

Рядовой Лютиков

(Окончание. Начало на 3 стр.)

Разговор на этом и пошел. Я похвастался и вошел к майору. Он сидел на кровати в нижней рубахе и разговаривал с Никитиным.

— Вот, залезает на вас комбат, — сказал он, показав мне кивком на табуретку — садись, мол. — Пушку подервать, говорит, не хотите.

— Не не хочу, а не могу, товарищ майор.

— Почему?

— Людей нет.

— Сколько их у вас?

— Трое и помкомзавод.

Майор почесал голую грудь и вздохнул: — Маловато, конечно.

— Не три у него, а четыре, — резко сказал Никитин, но глаза на меня.

— Четвертый не сапер, товарищ майор.

Майор жоска посмотрел на меня.

— А тут ваш помкомзавод тотский говорит, что этот самый не сапер омак шредагил пушку подервать. Так или не так?

— Так, товарищ майор.

— Почему не двадцать пять? А? — и вдруг раздался смех. — Надо подервать пушку, и все! Пошла? А ну, зовите его сюда. Скажите часовой.

Минут через пять явился Лютиков. Майор взглянул его с ног до головы и сразу катилось слезу. У него была слабость, а ладони солдатам — постою на и Никитина любил, всегда перетянутого бескомандным количеством ремешков, а тут перед ним стоял неуловимый, валил Лютиков со скомканной набок ремнем и развязавшей внизу обмоткой.

Майор встал, приставил подтяжки и пошел к Лютикову:

— Вид почему такой? Обмотки болтаются. Ремец на боку... Штетила на щек.

Лютиков густо и сразу как-то покраснел. Наклонился, чтобы поправить обмотку:

— Дома поправите, — сказал майор. — А ну-ка, посмотрите на меня.

Лютиков выпрямился и посмотрел на майора.

— Я слышал, что пушку беретесь подервать? Правда?

— Правда, — совершенно спокойно от-

ветил Лютиков, но отрывая своих глаз от лица майора.

— А вот старший лейтенант, инженер, говорит, что вы саперного дела не знаете.

Лютиков чуть-чуть, уголками губ улыбнулся. Это была первая улыбка, которую я видел за его лице.

— Плохо, конечно. Но пушку подерву. Даже Никитин засмеялся:

— Силы мужик...

— Ну, а польза вы умеете? По-пластунски, — спросил майор.

Лютиков опять кивнул головой.

***

Вечером мы вместе с Лютиковым вышли зарями. Три заряда по десять четырехстрелковых головных шашек в каждом. От пушки ничего не должно было остаться. Показал ему, как делается зажигательная трубка, как всовывается капсула в заряд, как зажигается брифорос шпур. Лютиков внимательно следил за всеми нашими движениями. В овраге мы подорвали одну шашку, и я видел, как у него дрожали пальцы, когда он зажигал шпур.

Он даже осунулся за эти несколько часов.

В два часа ночи Терентьев меня разбудил и сказал, что луна уже зашла, и Лютиков, мол, собирается; заряды в мешок укладывает.

Я всунул ноги в валенки, надел фуфайку и вышел на двор. Лютиков ждал уже у входа с мешком за плечами.

— Готовы?

— Готов.

Мы пошли. Ночь была темная, снег растаял, и за три шага ничего не было видно. Лютиков шел молча, звалась мешок за спиной. При каждой проглатывающей мне валился. Иногда садился на корточки, если очень уж близко разрывались.

Никитин ждал нас на своем КП.

— Возди дят? — с места в карьер спросил он Лютикова, протягивая руку за фуфайку.

— Не надо, — ответил Лютиков и спросил, кто поведет ему, где пушка.

— Я итерреливать же вы, дружок, — засмеялся Никитин. — Народ перед заданием обычно штурк десять париров выкурит, а вы вот какой... веселее...

Лютиков, как всегда, ничего не ответил,

наклонился над своим мешком, потом попросил веревку, чтобы обмотать его.

— Вы дырку в мешке сделайте, — сказал я, — и мешочку оставьте. А на месте уже трубку встаните.

Лютиков отложилку от пояса мешочку, отбросил ее, оставил связку мешочку в отверстие шапки. Потом шашку шивал, сложил ее аккуратно и положил около печки. Надел маскулат. Зажигательную трубку свернул в кружок и положил в другой карман. Запасную — в дражный. Проверил, хорошо ли зажигаются спички, сулил в карман броек. Делал он все медленно и молча. Лицо его было бледно.

В близнаке было тихо. Даже слышались умкинат. Никитин сидел и сосредоточенно, заткал за затылок, доурнул пистолет. За обшивкой трепал свечок — и мигало и уткну, как будто и войны не было.

— Ну что, пошли? — спросил Лютиков.

— Пошли.

Мы вышли — я, Никитин и Лютиков. Шел малый связок. Где-то очень далеко излучилась фуфайку шумел и уюлок.

Мы прошли седьмому, восьмому роты, пересекли насыпь. Милынов железобетонную будку. Лютиков шел сюда с мешком и все время отставал. Ему было тяжело. Я предложил помочь. Он отказался.

Дошли до самого левого фланга девятой роты и остановились.

— Здесь, — сказал Никитин.

Лютиков скинул мешок.

Вперед ровной белой грядой тянулись насыпи. В одном месте что-то темнело. Это и была пушка. До нее было метров 50—70.

— Смотрите внимательно, — сказал я Лютикову, — сейчас она выстрелит.

Но пушка не стреляла.

— Вот слюнки, — вырвалось Никитина, и в этот самый момент из темного места под насыпью вырвалось пламя. Трансформирующий свард описал молниеносную плавающую дугу и разорвался где-то между седьмой и восьмой ротой.

— Всплал, где?

Лютиков почувал рукой брестера, надел рукавицу, звалась мешок за плечи и молча вылез из окопа.

— Ни шуха, ни пера, — сказал Никитин.

Я ничего не сказал. В такие минуты трудно найти подходящие слова.

Некоторые время ползушая фуфайка его

еще была видна, потом слышался с обшей белесой мутью.

— Хорошо, что ракет здесь не бросают, — сказал Никитин.

Пушка выстрелила еще раз. Потом еще два раза, почти подряд. Где-то неподалеку греснула одиночная мина.

Я посмотрел на часы. Прошло шесть минут. А казалось, что уже полчаса. Потом еще три, еще две...

Ослепительная вспышка озарила вдруг всю местность. Мы с Никитиным инстинктивно нагнулись. Сверху сыпалась комья мерзлой земли.

— Молодчина! — сказал Никитин.

Я ничего не ответил. Меня распризало что-то изнутри.

Немцы открыли лизорачодный, беспорядочный огонь. Минут 15—20 длился он. Потом стих. Часы показывали полоную четвертого.

Мы выгнули на-за брестера. Ничего не видно. Бело и мутно. Опять сали на корточки.

— Погиб, вероятно, — вздохнул Никитин. Он встал и облокотился о брестера.

А пушка-то молчит. Ничего не видно...

Я тоже встал — от сидения замерзли ноги.

— А ну-ка, посмотри, инженер, — толкнул меня в бок Никитин. — Не он ли?

Я посмотрел. На снегу между нами и немцами действительно что-то виднелось: невысокое и распыченное. Раньше его не было. Никитин отступил по сторонам и решительно полез через брестера.

Лютиков лежал метрах в двадцати от нашего окопа, уткнувшись лицом в снег. Одна рука протянута была вперед, другая прижата к груди... Шапки на нем не было. Рукавицы тоже. Запасная зажигательная трубка вывалилась из кармана и валялась рядом...

Мы втащили его в окоп.

Лютиков умер. Три малюсеньких осколка — крохотные, как сахарные песчинки, — (я видел их потом в медкабате) топтали ему в брешю. Ему сделали операцию, по осколку вызван перитонит, и на третий день он умер.

За день до его смерти я был у него. Он нежал жалобами и худой, упрямый слезливо и шивалово до самого поборода. Глаза его были закрыты. Но он не спал. Когда я подошел к его койке, он отрывал глаза и слезливо испуганно посмотрел на меня:

— Ну?..

В голосе его чувствовалась тревога, и в черных глазах мелькнуло то, что, чего я раньше не замечал, — какая-то острая, сверлящая мысль.

— Все в порядке! — нарочито бодро и всеми силами стараясь скрыть фальшь этой болтовни, сказал я. — Подлежится мало-мало, и обратно к нам.

— Нет, я не об этом...

— А о чем же?

— Пушка... Пушка как?

В этих трех словах было столько волнения, столько тревоги, столько боли, что я ответил не то, о чем он все эти дни думал, что если б он даже и не подервал пушку — а б ему сказал, что подервал. На он подервал-таки ее, и не только ее, а и часть железобетонной трубы, так что немцы ничего уже не могли установить там.

И я ему сказал об этом.

Он прерывисто вздохнул и улыбнулся. Это была вторая и последняя улыбка, которую я видел на его лице. Первая — тогда, у майора в землянке, вторая — сейчас. И хотя они обе почти совсем не отличались одна от другой — чуть-чуть только приподнимались уголки губ, — в этой улыбке было столько стыда, столько...

Я не выдержал и отвернулся.

***

Через несколько дней немцы оставили Мамаев Курган. Их загляни за овраг Даггин.

Мы похоронили Лютикова около той самой железобетонной трубы, где он был смертельно ранен. Вместо памятки поставили воруаную ему маленькую пушку — вернее, остатки испорченного факета, и приклеили маленькую фотографическую карточку, заידенную у Лютикова в бумажнике...

В день расхины я составил на Лютикова наградной материал. Награда пришла неслышно два сутки, когда нас перебросили уже на Украину.

У Лютикова не было семьи, он был совершенно одинок. Орден его, боевой орден Красного Знамени, если я не ошибаюсь, до сих пор хранится в полку.

Я горжусь, что у меня во взводе были такие люди, как Лютиков. Он был настоящим патриот, настоящим советский воин.